

Вологодский государственный педагогический университет

На правах рукописи

Изюмова Лариса Владимировна

**Повинности колхозного крестьянства на Европейском Севере России
в конце 1930-х–1950-е гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Вологда – 2001

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.

Научный руководитель:

доктор исторических наук,
профессор **М. А. Безнин**

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Л. Н. Денисова

кандидат исторических наук,
доцент **Г. М. Конанова**

Ведущая организация: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН

Защита состоится 24 декабря 2001 г. в 14 часов на заседании Диссертационного совета К. 212.031.01 по присуждению ученой степени кандидата исторических наук в Вологодском государственном педагогическом университете по адресу: 160001, г. Вологда, проспект Победы, 37, ауд. 78.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Вологодского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан «12» ноября 2001 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

С. Г. Карпов

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Исследования по социально-экономической истории России 1930–1950-х гг. по-прежнему актуальны в современной отечественной историографии. Вовлечение в научный оборот новых данных, отказ от сложившихся стереотипов восприятия создали возможность по-новому взглянуть на многие стороны социально-экономической и политической действительности этого периода. В этой связи представляется важным исследование механизмов властвования государства в деревне в условиях колхозного строя. Изучение этих проблем на региональном уровне через призму социально-экономических процессов и событий, происходивших на отдельных территориях, способствует пониманию закономерностей и особенностей развития советского общества 1930–1950-х гг. в масштабах всей страны.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является колхозное крестьянство Европейского Севера России, предметом — государственные повинности колхозного крестьянства. О повинностном характере крестьянских обязанностей в отношении государства свидетельствует их законодательная регламентация с жестко фиксированными нормами, наличие системы внеэкономического принуждения к исполнению. Характерными чертами повинностей являлась их бесплатность или символическая оплата за исполнение, а также несение наказания в случае уклонения от исполнения повинности.

Хронологические рамки исследования — конец 1930-х–1950-е гг. — охватывают период взаимоотношений государства и крестьянства в условиях сложившегося колхозного строя. Выбор начальной границы исследования обосновывается тем, что к концу 1930-х гг. были законодательно оформлены основные повинности колхозного крестьянства, установились особые формы производственно-экономических и внеэкономических отношений, позволявшие государству осуществлять практически полный контроль над деревней. После 1953 г. идет постепенное сокращение уровня и видов крестьянских повинностей. Ликвидация же ряда базовых элементов системы повинностей в основном завершилась к концу 1950-х гг.

Территориальные рамки исследования совпадают с географическими границами современных Архангельской, Вологодской областей, Республик Карелии и Коми. В первой половине 1930-х гг. им соответствовали две административно-территориальные единицы: Карельская АССР и Северный край. В декабре 1936 г. была выделена из состава Северного края Коми область; оставшаяся территория получила статус и название Северной области. В сентябре 1937 г. на базе Северной области были образованы две административно-территориальные единицы: Архангельская и Вологодская области (к последней были присоединены 18 районов, ранее входивших в

состав Ленинградской области). В марте 1940 г. Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую ССР, а в июне 1956 г. эта территория получила статус и название Карельской АССР (в составе РСФСР). Территорию Европейского Севера России объединяет общность исторического развития. Это исконно русские земли, составляющие ядро российской государственности. Европейский Север – регион со сложными природно-климатическими условиями, которые отразились на процессе хозяйственного освоения и развития. Природные условия, структура экономики районов Европейского Севера, особенности дорожной сети, уровень развития местных колхозов повлияли на специфику системы повинностей северного крестьянства.

Историография. Повинности колхозного крестьянства конца 1930-х–1950-х гг. практически не являлись объектом специального и всестороннего изучения в отечественной историографии. Большое значение для осмысления темы имеют работы отечественных исследователей, посвященные повинностям и податной системе феодальной и пореформенной России. Применительно к истории дореволюционной России проблема крестьянских повинностей давно и плодотворно изучается¹. В историографии советского периода тема крестьянских повинностей исследовалась применительно к периоду «военного коммунизма»². С 1990-х гг. началось исследование повинностей колхозного крестьянства³. Данная тема применительно к Европейскому Северу России собственной историографии пока не имеет.

По истории советского крестьянства 1930–1950-х гг. имеется обширная литература. Исследовались сельскохозяйственное производство, становление и развитие колхозной системы, различные аспекты социальной истории деревни и другие вопросы⁴. Накопленный фактический материал, появление монографических исследований позволили написать обобщающие труды по истории советского крестьянства рассматриваемого периода⁵.

Со второй половины 1980-х гг. начался новый этап в развитии отечественной историографии советского крестьянства, представленный ныне многочисленными работами самого разнообразного масштаба: от журнальных

¹ См., например: Бугаинов В. И. и др. Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы. М., 1980; Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII–начале XIX века. М., 1987; и др.

² Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.

³ Безнин М. А., Димони Т. М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х–1950-е гг. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 155–166;

Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001.

⁴ См., например: Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1973; Волков И. М. Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972; Вылцан М. А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938–1941 гг.). М., 1979; и др.

⁵ См., например: Советское крестьянство, 1917–1975: Краткий очерк истории. М., 1973; История советского крестьянства. Т. 3. 4. М., 1987–1988; История социалистической экономики СССР. Т. 5. М., 1978; История социалистической экономики СССР. Т. 6. М., 1980; и др.

публикаций до весьма значительных обобщающих исследований⁶. Многие историки обращаются к изучению данных проблем на региональном уровне, что позволяет преодолеть усредненную картину отражения исторического процесса⁷. Отличительной чертой исследований последних лет можно считать привлечение обширного комплекса документов (в том числе рассекреченных архивных материалов), не вводимых ранее в научный оборот.

Подробнее остановимся на характеристике исторической литературы, имеющей прямое отношение к проблеме исследования.

Вопросы аграрной политики государства в 1930–1950-х гг. всегда были объектом изучения историков. Общей чертой большинства работ 1930-х–середины 1980-х гг. является то, что аграрная политика рассматривалась в основном с точки зрения «успехов» и «достижений», критический же анализ этой политики часто отсутствовал. Многие историки исходили из утверждения о громадных преимуществах колхозного строя, сложившегося в стране в 1930-е гг., решающей роли Коммунистической партии в колхозном строительстве. В современных исследованиях подчеркивается негативное воздействие государственной политики на деревню, в результате которого оказались подорванными экономические и социальные основы как российской деревни в целом, так и каждого крестьянского двора в отдельности⁸. Многие исследователи отмечают острый кризис колхозной системы, проявившийся в конце 1940-х–начале 1950-х гг.⁹ В современной литературе хрущевские реформы 1950-х гг. рассматривают как ликвидацию крайних проявлений тоталитарного режима¹⁰.

Вопросы налогообложения колхозного крестьянства становились объектом анализа историков, экономистов, правоведов. Существуют обобщающие труды, характеризующие налоговую политику государства в целом. В этом плане не утратили своего значения работы Г. Л. Марьяхина, М. И. Пискотиной¹¹. В них представлен анализ не только налоговой системы в СССР, но и дана характеристика отдельных видов налогов. Вопросы налоговой политики

⁶ См., например: В е р б и ц к а я О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х–начало 60-х годов. М., 1992; В ы л ц а н М. А. Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945. Пиррова победа. М., 1995; З е л е н и н И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 76–93; П о п о в В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61–76; и др.

⁷ См., например: Б е з н и н М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991; Д е н и с о в а Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996; К о р н и л о в Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990; и др.

⁸ См., например: Б е з н и н М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991; В е р б и ц к а я О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х–начало 60-х годов. М., 1992; З и м а В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов. происхождение и последствия. М., 1996.

⁹ См., например: З у б к о в а Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. М., 1993; П о п о в В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61–76; и др.

¹⁰ З е л е н и н И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 3. С. 61–76.

¹¹ М а р ь я х и н Г. Л. Налоги и сборы с колхозов и населения. М., 1949; М а р ь я х и н Г. Л. Налоги и сборы с населения в СССР. М., 1964; П и с к о т и н М. И. Налоги с сельского населения в СССР. Правовые вопросы. М., 1957.

государства в отношении крестьянства рассматривались в работах Ю. В. Арутюняна, М. А. Вылцана, И. М. Волкова и других исследователей. В 1990-е гг. проблема налогообложения сельского населения также привлекала внимание исследователей. В работах Н. А. Ивницкого, Г. Ф. Доброноженко, М. Н. Глумной рассматривается влияние налоговой политики государства на единоличные крестьянские хозяйства в 1930-е гг., в частности изменение численности единоличных хозяйств в результате налоговых мероприятий¹². Усиление тяжести налогообложения колхозного крестьянства на протяжении 1940-х—начала 1950-х гг. отметил В. П. Попов¹³, подробно остановившийся на характеристике сельхозналога.

Вопросы внутренних займов в СССР не получили пока всестороннего освещения в отечественной историографии. Из немногочисленных специальных работ по этой теме можно отметить статью В. А. Цыбульского¹⁴, в которой рассмотрена история советских займов в 1920–1930-х гг. Автор особо подчеркивает принцип добровольности при размещении подписки на облигации государственных займов среди населения.

В последние годы намечались новые акценты в изучении системы государственных займов в СССР. Н. П. Палецких¹⁵, анализируя налоговые платежи населения Урала в годы Великой Отечественной войны, отнесла займы к денежным налогам. Тенденцию усиления принудительного распространения подписки на примере двух послевоенных займов отметил В. Ф. Зима¹⁶. Практика размещения госзаймов, противодействие колхозников мобилизации средств по подписке во второй половине 1940-х–1950-е гг. рассмотрены Т. М. Димони¹⁷.

Практически не изучалась в исторической литературе трудовая деятельность колхозного крестьянства в дорожном строительстве и на лесозаготовках. По вопросам дорожного строительства в СССР в настоящее время существует лишь одно обобщающее исследование А. С. Кудрявцева¹⁸, в котором главное внимание уделено изучению методов и технологий дорожного строительства. Тем не менее автор отметил и роль сельского населения в развитии дорожного строительства. Согласно данным, введенным в научный оборот А. С. Кудрявцевым, до начала 1950-х гг. значительная часть дорог

¹² И в н и ц к и й Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000; Д о б р о н о ж е н к о Г. Ф. Коллективизация на Севере. 1929–1932. Сыктывкар, 1994; Г л у м н а я М. Н. Единоличное крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1933–1937 гг. Дис. ... канд. ист. наук. / ИРИ РАН. М., 1994.

¹³ П о п о в В. П. Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 95–114.

¹⁴ Ц ы б у л ь с к и й В. А. Из истории государственных займов (1927–1937 гг.) // Исторические записки. Т. 111. М., 1984. С. 324–343.

¹⁵ П а л е ц к и х Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995.

¹⁶ З и м а В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.

¹⁷ Д и м о н и Т. М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (На материалах Европейского Севера России): Дис. ... канд. ист. наук / ВГПУ. Вологда, 1997.

¹⁸ К у д р я в ц е в А. С. Очерки истории дорожного строительства в СССР (послеоктябрьский период). М., 1957.

страны строилась и содержалась за счет трудового участия сельского населения.

Широко рассматривается в научной литературе история лесозаготовительной промышленности в СССР. В этих работах, как на общесоюзном материале, так и на материале отдельных территорий, исследуются становление и развитие лесозаготовительного комплекса; источники и формы пополнения профессиональных кадров лесозаготовителей; способы и методы организации производства и другие проблемы¹⁹. При этом практика привлечения крестьянства на лесозаготовки трактуется как вынужденная мера, связанная с нехваткой «постоянных кадров» лесозаготовителей. В последние годы наметились новые подходы к изучению трудовой и гужевой повинности сельского населения на лесозаготовках. В работах Г. Ф. Доброноженко²⁰ и О. А. Никитиной²¹, посвященных проблемам коллективизации сельского хозяйства на Европейском Севере России, особое внимание уделяется и вопросу о способах привлечения крестьян к лесозаготовкам. По мнению авторов, колхозы явились удобной формой мобилизации рабочей силы на лесозаготовки.

В целом же имеющаяся на сегодняшний день литература, касающаяся отдельных аспектов истории взаимоотношений государства и крестьянства в 1930–1950-х гг., не дает целостного представления о комплексе повинностей колхозного крестьянства.

Целью исследования является изучение совокупности повинностей колхозного крестьянства Европейского Севера России в конце 1930-х–1950-е гг. В этой связи были поставлены следующие задачи:

- изучение структуры повинностей колхозного крестьянства, их количественных и качественных характеристик;
- анализ форм и методов привлечения колхозников к исполнению повинностей;
- выявление отношения колхозного крестьянства к мероприятиям государства по регулированию повинностей.

Методология и методика исследования. Методология исследования базируется на общепринятых в исторических трудах принципах историзма и объективности, что позволило изучать комплекс повинностей колхозного крестьянства во взаимосвязи с политическими и социально-экономическими событиями и явлениями того периода, решать поставленные задачи с учетом исторических реалий конца 1930-х–1950-х гг. Диссертационное исследование проводилось в рамках комплексного подхода к проблеме с применением как специальных исторических, так и общенаучных методов. Методы конкретно-

¹⁹ См., например: Будрин А. С. Лесная промышленность Коми АССР. Сыктывкар, 1956; Лесная промышленность СССР. Т. 1–3. М., 1957; Макуров В. Г. Развитие лесной промышленности Европейского Севера СССР в послевоенный период (1946–1955). Петрозаводск, 1979; Макуров В. Г. Трудящиеся Европейского Севера СССР в борьбе за подъем лесной промышленности (1946–1958). Петрозаводск, 1989; и др.

²⁰ Доброноженко Г. Ф. Коллективизация на Севере. 1929–1932. Сыктывкар, 1994.

²¹ Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 годы). Петрозаводск, 1997.

исторического анализа сочетались со сравнительно-историческими, статистическими. Так, сравнительно-исторический метод позволил выделить этапы и тенденции развития исследуемых процессов в динамике. Статистический метод применялся как основной в выявлении количественных характеристик изучаемого объекта.

Источниковую базу исследования составили разнообразные источники, основная масса которых представлена архивными документами. В диссертации использованы 17 фондов из 4 федеральных и местных архивов.

В целом все используемые источники можно разделить на несколько групп.

К первой группе источников относятся **законодательные, подзаконные и нормативные акты** государственного и местного значения. Тема исследования предполагала системное изучение законодательных и нормативно-распорядительных актов, регулирующих крестьянские повинности. В процессе работы были привлечены периодические издания законодательных, подзаконных и нормативных документов, выходявшие в 1930–1950-х гг.: «Собрания законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР», «Собрания узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР», «Ведомости Верховного Совета СССР». Также были использованы сборники документов, среди них: «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967)» (М., 1967–1968), «История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР, 1917–1958» (М., 1959) и другие публикации официальных документов. Определенная сложность в работе была связана с тем обстоятельством, что отдельные правительственные постановления и указы не предназначались для печати. Поиск таких документов проводился в архивных фондах различных ведомств.

Большинство материалов, используемых в диссертации, относится ко второй группе – **делопроизводственной документации**.

В этом ряду значительное количество источников относится к *организационно-распорядительному* виду документации. Сюда вошли инструкции, циркуляры, распоряжения и др., то есть документы, регулирующие отношения органов государственной власти, финансовых, заготовительных, дорожных, лесозаготовительных ведомств с колхозами и крестьянством.

Данные материалы позволяют проследить основные направления в деятельности центральных и местных органов по регулированию конкретных видов повинностей колхозного крестьянства. Например, организационно-распорядительная документация финансовых, заготовительных органов позволяет выделить этапы проведения налоговых, займовых кампаний, формы и способы привлечения колхозного крестьянства к исполнению повинностей.

Следующую группу делопроизводственной документации составляет *докладная документация* (доклады с мест, отчетные рапорты и др.). В процессе работы финансовые, заготовительные и другие ведомства регулярно командировали на места (в отдельные области, районы, колхозы) специальных

уполномоченных с целью осуществления контроля над нижестоящими подведомственными единицами. В отчетах уполномоченных содержится информация о случаях злоупотребления, превышения полномочий со стороны должностных лиц. Интерес представляют доклады ведомств и предприятий о производственной, финансовой деятельности. Как правило, в этих документах дается анализ работы за определенный отрезок времени. Документы такого рода отличает более высокий уровень обобщения. Однако к таким источникам необходимо относиться критически, так как им присущи «парадность», стремление представить положение дел в «лучшем свете». Информацию из этих документов следует соотносить с другими видами делопроизводственной документации.

Отдельной строкой выделим *учетно-статистическую документацию*. Она представлена следующими видами документов: а) разработками сводных годовых отчетов колхозов; б) учетно-статистической документацией финансовых, заготовительных органов; в) учетной документацией и годовыми отчетами ведомств и предприятий, непосредственно занимавшихся организацией работ с участием сельского населения.

Значительные возможности для изучения социально-экономических проблем колхозной деревни дают *годовые отчеты колхозов*, в которых подводился итог производственной и финансовой деятельности сельхозартелей за прошедший календарный год. Основу отчетов составляют статистические данные. На основе годовых отчетов колхозов работниками аппарата Министерства сельского хозяйства СССР составлялись сводные статистические разработки по районам, областям, республикам. В исторической литературе накоплен большой опыт работы с данным источником. Анализ его значения и возможности показали Ю. В. Арутюнян, В. П. Данилов, З. В. Бармина, М. А. Вылцан, Г. Е. Корнилов и другие²².

В настоящем исследовании использованы сводные разработки годовых отчетов колхозов Европейского Севера России за 1939–1960 гг. (РГАЭ. Ф. 1562, 7486; ГАРФ. Ф. А-310). Материалы этой группы документов позволили проанализировать следующие показатели: динамику производственной деятельности колхозников в общественном хозяйстве, структуру трудовых ресурсов колхозов, среднюю выработку трудодней всеми категориями работников, структуру выработки трудодней отдельными категориями колхозников (трудоспособными мужчинами и женщинами, престарелыми и нетрудоспособными, подростками).

²² Арутюнян Ю. В., Данилов В. П. Свод отчетов колхозов страны за период Великой Отечественной войны // Исторический архив. 1962. № 6. С. 19–68; Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; Бармина З. В. Годовые отчеты колхозов за 1938–1941 г. как исторический источник // Из истории социалистического строительства в автономных республиках. Уфа, 1970. С. 105–118; Вылцан М. А. Сводные годовые отчеты колхозов за 1935–1939 гг. как исторический источник // Исторический архив. 1962. № 6. С. 148–151; Корнилов Г. Е. Источники по аграрной истории Урала. Екатеринбург, 1996.

Налоговая статистика содержит итоговую отчетность по сельхозналогу, самообложению, культсбору и другим платежам. Интерес представляют и аналитические записки, составленные на основе статистических материалов. Наиболее ценные сведения представлены в учетной документации по сельхозналогу. Это сведения о числе колхозных хозяйств на момент проведения учета; о числе хозяйств, привлеченных к платежу; о числе хозяйств, получивших льготы по налогу с их распределением по видам льгот. Применительно к периоду 1939–1952 гг. сельхозналоговая статистика не только учитывала суммы облагаемого дохода, но и отражала структуру облагаемого дохода в разрезе отдельных объектов обложения. Стабильный набор показателей налогового учета позволяет проанализировать изменение среднего размера налога, приходившегося на один колхозный двор, численности облагаемых налогом хозяйств. В диссертационном исследовании были использованы материалы налоговой статистики Министерства финансов СССР (РГАЭ. Ф. 7733); Министерства финансов РСФСР (ГАРФ. Ф. А-411), финансового отдела Вологодского облисполкома (ГАВО. Ф. 1401).

Для разработки вопросов развития внутреннего кредита, в частности государственных внутренних займов, незаменимым источником являются документы Управления государственных трудовых сберкасс и государственного кредита. В ходе исследования были привлечены материалы Управления ГТСК и ГК Вологодской области (ГАВО. Ф. 3018) за 1937–1957 гг., значительная часть которых представлена разнообразной учетно-статистической документацией. Особо выделим *годовые отчеты* Управления, которые составлялись на основе отчетной документации, поступающей из районов. В отчетах содержится однотипная информация: итоги реализации государственных займов среди населения области, в том числе отдельно по городскому и сельскому населению; сопоставление показателей текущего года с показателями предшествовавших лет; постановка информационно-справочной работы по займам. Каждый годовой отчет сопровождался объяснительной запиской, где анализировалась работа финансовых органов и комиссий содействия государственному кредиту за текущий календарный год; пояснялись причины изменения отдельных показателей. В целом для годовых отчетов характерен набор повторяющихся статистических данных, что дает возможность провести системный анализ за несколько лет (например, изменения плановой суммы размещения займа, уровня подписки отдельных категорий населения, динамики средней подписки колхозного двора и т. п.).

Учетно-статистическая документация Комитета (министерства) по заготовкам сельхозпродуктов СССР (РГАЭ. Ф. 8040) и его управлений на местах, в частности Вологодского областного управления (ГАВО. Ф. 2666), содержит данные относительно обязательных поставок сельхозпродуктов государству разными категориями хозяйств. К этому виду документации относятся сведения о вручении обязательств на поставку сельхозпродуктов; сводки, справки о ходе выполнения плана обязательных поставок и т.п. Анализ

погодовой динамики отчетных показателей позволяет выявить общие тенденции, результаты заготовительной политики в целом по стране и в отдельных регионах.

В процессе производственной деятельности лесозаготовительных предприятий возникали разного вида учетные материалы, содержащие сведения о таких показателях, как объемы заготовки, подвозки и вывозки древесины. Регулярно составлялись сведения о численности работников «постоянного кадра» и сезонных рабочих. Периодически проводились и разного рода единовременные учеты, например, характеризующие расстановку рабочей силы на всех основных производственных операциях (указывалось количество рабочих «постоянного кадра» и сезонников по отдельным специальностям). Анализ документов лесозаготовительного предприятия «Вологдалес» (ГАВО. Ф. 1727) показал, что учетно-статистическая документация предприятия позволяет провести анализ производственной деятельности колхозников-сезонников в конце 1930–1940-х гг., когда эта категория работников составляла подавляющее большинство в составе лесозаготовителей.

Следующая группа делопроизводственных документов – *текущая деловая переписка* (служебные письма и телеграммы, личные заявления и пр.). Весьма ценные документы этой группы были выявлены в фонде Совета по делам колхозов при правительстве СССР (РГАЭ. Ф. 9476). В фонде этого органа отложился важный пласт документов, характеризующих послевоенную деревню. Для представителей власти была очевидна низкая трудовая активность колхозников в общественном хозяйстве колхоза. В Совете по делам колхозов проходил активный поиск эффективных методов, способов, механизмов повышения производительности труда колхозников. Информация об этом содержится в деловой переписке руководящих работников Совета с Министерством сельского хозяйства СССР и другими ведомствами.

Третью группу источников составляют **материалы бюджетных обследований семей колхозников**. Этот источник достаточно широко используется в исторических исследованиях при анализе материального положения колхозного крестьянства, изучении особенностей функционирования крестьянского двора и т.п. Проведенный исследователями анализ показывает, что материалы бюджетных обследований в значительной мере правильно отражают основные закономерности реальных процессов и изменений в жизни колхозной семьи²³.

В результате деятельности статистических органов по составлению бюджетов колхозников сформировался комплекс документов, включающий первичные материалы и сводные таблицы (ежемесячные, полугодовые и

²³ См., например: Б е з н и н М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М., Вологда, 1991; О с т р о в с к и й В. Б. Колхозное крестьянство СССР: Политика партии и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967; А р т е м о в а О. В. Крестьянский двор на Европейском Севере (вторая половина 1930-х–1940-е годы). Дис. ... канд. ист. наук / ВГПУ. Вологда, 1997.

годовые) различных уровней: по районам, областям и республикам. Разделы таблиц заполнялись абсолютными и среднетипическими показателями на 100 хозяйств.

На территории Европейского Севера России в конце 1930-х–1950-е гг. бюджетные обследования семей колхозников проводились только в Вологодской области, где ежегодно обследовались от 450 до 506 хозяйств. В диссертационном исследовании привлечены сводные материалы бюджетных обследований колхозников (ежемесячные, полугодовые, годовые) за 1939–1960 гг. из фонда ЦСУ РСФСР (ГАРФ, Ф. А-374), а также Вологодского областного статистического управления ЦСУ СССР (ГАВО, Ф. 1703). Наиболее удобными для анализа, проведения расчетов следует признать сводные таблицы в пересчете на 100 хозяйств. Этот источник позволил проанализировать трудовые затраты колхозной семьи в общественном производстве, рассмотреть динамику денежных доходов и расходов (в том числе на оплату налогов и сборов, облигаций государственных займов), рассчитать оборот продуктов приусадебного хозяйства (в данном исследовании важно было определить удельный вес государственных поставок).

Как самостоятельную группу источников по истории советского крестьянства следует рассматривать документы, отложившиеся в бывших партийных архивах. В работе над темой исследования были привлечены документы Вологодского обкома КПСС (ВОАНПИ, Ф. 2522). Особое внимание обращалось на документы общего, сельскохозяйственного и промышленного отделов и отдела пропаганды и агитации.

Как правило, докладные записки, справки, информационные отчеты были связаны с проведением конкретных политических кампаний. В обком из райкомов, различных ведомств поступали отчетные документы, на основе которых составлялись областные отчеты, справки, информации, предназначавшиеся для вышестоящих партийных органов. Документы этой группы интересны тем, что в них содержится конкретно-исторический материал, раскрывающий положение дел в отдельных колхозах, лесопунктах, леспромхозах, районах. Также в фондах партийных органов сохранился важный пласт документов со свидетельствами самих крестьян об условиях жизни, работы, бытовых проблемах – жалобы, письма, зафиксированные отдельные высказывания.

Отдельную группу источников составляют **материалы периодической печати**. Этот источник был важен с точки зрения выполняемых им в 1930–1950-е гг. функций – проводника государственной политики и идеологии, средства формирования стереотипов массового сознания, которые были выгодны в тот момент государственной власти. В диссертационном исследовании были использованы публикации из газет «Правда», «Красный Север» за 1930–1950-е гг.

В процессе разработки темы диссертационного исследования привлекались **документы личного происхождения**, однако эта группа источников

немногочисленна. Особо выделим воспоминания А. Г. Зверева, наркома (министра) финансов СССР в 1938–1960 гг.²⁴, в которых содержится полезная информация по вопросам финансовой, налоговой политики государства в интересующий нас период. Весьма важными для исследования крестьянских повинностей стали публикации крестьянских свидетельств (писем, воспоминаний), осуществленные в 1990-е гг.²⁵ Они позволяют лучше понять проблемы, настроения крестьянства в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, позволяют почувствовать «дух времени».

Можно утверждать, что, дополняя друг друга, используемые материалы составляют вполне репрезентативную источниковую базу для реализации поставленных в диссертационном исследовании задач.

Научная новизна диссертации определяется тем, что впервые в отечественной историографии предпринята попытка рассмотрения на региональном уровне комплекса государственных повинностей колхозного крестьянства в условиях установившегося колхозного строя. В научный оборот введены новые архивные материалы, проведен анализ и обобщены некоторые виды массовых источников.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы для написания обобщающего труда по истории северного крестьянства (советский период), а также для разработки спецкурсов по региональной истории.

Апробация результатов работы проводилась в докладах и сообщениях на научно-практических конференциях: «Архивы – хранилище исторической памяти» (Вологда, октябрь 1998 г.); «Архивы России и проблемы региональной истории» (Великий Новгород, май 1999 г.); «Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации» (Вологда, февраль 2000 г.); на конференции, посвященной 60-летию образования ВОАНПИ (Вологда, март 2000 г.); «События второго тысячелетия в документах архивов Вологодской области» (март, 2001 г.); на всероссийской межвузовской научной конференции «Традиции в контексте русской культуры» (Череповец, ноябрь 1998 г.); на XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы «Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: землевладение, землепользование, производство, менталитет» (Вологда, сентябрь 2000 г.). Диссертация была обсуждена на заседании кафедры Отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета в октябре 2001 г.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

²⁴ Зверев А. Г. Записки министра. М., 1973.

²⁵ См., например: Голоса крестьян. Сельская Россия XX в. в крестьянских мемуарах. М., 1996; Независимая газета. 2001. 22 июня.

Основное содержание

Во введении обоснованы актуальность и новизна исследования, его хронологические рамки и территориальные границы, проанализирована историография проблемы, дана характеристика источников, сформулированы цель и задачи исследования.

Первая глава «Отработочные повинности» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе рассматривается отработочная повинность колхозников в общественном производстве, которая формировалась параллельно становлению и развитию колхозного строя. Окончательно в форме повинности работа в общественном хозяйстве закреплялась в 1939 г. В районах Европейского Севера России каждый трудоспособный колхозник обязан был выработать в течение года 60 трудодней. Годовой минимум трудодней был повышен в апреле 1942 г. и в районах Европейского Севера составил 100 трудодней. Во второй половине 1940-х–начале 1950-х гг. вопрос о необходимости пересмотра размеров обязательного минимума трудодней поднимался неоднократно. Власти были обеспокоены тем, что действовавший минимум трудодней не способен обеспечить выполнение планов восстановления и развития сельского хозяйства в послевоенный период, т. к. многие колхозники ограничивали свое трудовое участие выработкой годового минимума. В 1954 г. колхозам было рекомендовано установить минимум трудодней исходя из конкретных условий, с учетом необходимости выполнения объема работ, предусмотренного производственным планом, а также с учетом наличия рабочей силы в общественном хозяйстве. В районах Европейского Севера годовой минимум трудодней стал составлять от 150 до 200 и более трудодней. В диссертации рассмотрены меры государственного воздействия на колхозников, не выполнявших установленный минимум трудодней.

На протяжении 1930–1950-х гг. работа в колхозе была основной сферой приложения труда крестьянской семьи. Согласно материалам бюджетных обследований семей колхозников Вологодской области, количество отработанных колхозниками (12 лет и старше) в общественном производстве колхоза дней (в расчете на одну семью) составляло: в 1940 г. – 458, в 1945 г. – 414, в 1950 г. – 457, в 1955 г. – 406 дней. Доля данного вида затрат вологодской крестьянской семьи во всей ее совокупной трудовой деятельности была равна: в 1940 г. – 71%, в 1945 г. – 69%, в 1950 г. – 71%, в 1955 г. – 65%. Годовая выработка (в расчете на одну семью) женщинами-колхозницами дней и часов в колхозе в 1,5–2 раза и более превосходила аналогичный показатель у мужчин. Такое положение было связано с демографической деформацией семьи, вызванной последствиями войны.

Проведенный анализ структуры трудовых затрат, соотношения количества трудодней, выработанных отдельными группами работников, показал, что на протяжении 1930–1950-х гг. в колхозах Европейского Севера России основную

часть трудоней выработывали трудоспособные женщины-колхозницы. Особенно возросла роль женского труда в период Великой Отечественной войны. Так, женщины-колхозницы Вологодской области выработали в годы войны 60–62% всех трудоней против 48% в 1940 г., в Архангельской области – соответственно 51–58% против 46%, в Коми АССР – 62–66% против 47%, в Карелии – 56–59% против 50%. В послевоенные годы удельный вес доли трудоспособных женщин в общей выработке трудоней несколько снизился, но, как правило, превышал или приближался к 50%. Удельный вес доли трудоспособных мужчин-колхозников в общей выработке трудоней на протяжении исследуемого периода серьезно менялся. Так, в годы войны в связи с мобилизацией на фронт значительной части трудоспособных мужчин выработка трудоней этой категорией работников сократилась по сравнению с 1940 г. с 33% до 12–16% в Архангельской области, с 38% до 12–17% – в Вологодской области, с 35% до 11–13% – в Коми АССР, с 34% до 12–15% – в Карело-Финской ССР. В последующие годы наблюдался постепенный рост выработки трудоней трудоспособными мужчинами. В Архангельской области на долю этой категории работников приходилось в 1946 г. 18,5% от общего количества трудоней, в 1950 г. – 21%, в 1955 г. – 25%, в 1958 г. – 29%. В Вологодской области данный показатель соответственно по годам составил 22, 26, 27, 32%, в Коми АССР – 18, 24, 25, 29%. В Карелии доля трудоней, выработанных трудоспособными мужчинами-колхозниками, выросла с 18% в 1946 г. до 30% в 1958 г.

В изучаемый период на долю резервных групп трудовых ресурсов в колхозах Европейского Севера в разные годы приходилось от 14 до 33% выработанных трудоней. Особенно весомую роль имело трудовое участие в общественном производстве лиц пенсионного возраста и инвалидов. В 1939–1959 гг. эта категория работников выработывала в Архангельской области 14–21% от общего числа трудоней, в Вологодской области – 8–14%, в Коми АССР – 9–11%, в Карелии – 13–19%. В меньшей степени участвовали в колхозном производстве те трудоспособные члены колхозов, которые значительную часть года работали в различных государственных учреждениях. Удельный вес этой категории работников в общей численности колхозников снизился в Архангельской области с 7% в 1943 г. до 3% в 1958 г., в Вологодской области – соответственно с 5 до 1%, в Коми АССР – с 6 до 5%, в Карелии – с 3 до 1%. Трудовая деятельность подростков в общественном производстве колхозов на протяжении 1940–1950-х гг. не была равномерной. Особенно значимым участие этой категории работников было в годы войны. На их долю приходилось в Архангельской области 7–10% от общего количества выработанных трудоней (в 1939 г. – 7%), в Вологодской области – соответственно 8–10% (6%), в Коми – 7–9% (5%), в Карелии – 5–6% (3%). После войны наблюдалось сокращение общего числа подростков, принимавших участие в колхозном производстве. Удельный вес труда подростков в общей выработке трудоней в Архангельской области сократился

с 5–6% в 1946–1950 гг. до 2–3% в 1951–1958 гг., в Вологодской области, соответственно по годам, с 4–7% до 2–3%, в Коми АССР – с 4–6% до 3–4%. Сокращение доли этой возрастной группы в производственной деятельности колхозов связано с демографическими факторами (падением рождаемости в годы войны), оттоком подростков из деревни, а также рядом других социально-экономических факторов.

В целом выработка трудодней была неравномерной в течение года, что обусловлено сезонным характером многих сельскохозяйственных работ. В регионах Европейского Севера в первом квартале вырабатывалось в среднем 16–18% от общего числа трудодней, во втором – 25–26%, в третьем, на который приходился пик основных работ, – 35–39%, в четвертом – 20–22% трудодней.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что отработочная повинность колхозников в общественном хозяйстве колхоза занимала основное место в системе крестьянских повинностей Европейского Севера России. Динамика показателей выработки трудодней на протяжении 1930–1950-х гг. свидетельствует об увеличении интенсивности труда колхозников, несмотря на низкий уровень его оплаты. Тем не менее государство широко использовало юридические рычаги для регулирования обязанности участия членов сельхозартели в колхозном труде. Лишь к концу 1950-х гг. постепенно расширяется степень экономического воздействия на уровень трудовой активности колхозников.

Во втором параграфе рассмотрена трудовая и гужевая повинность колхозного крестьянства на лесозаготовках. В силу установившихся традиций сельское население Европейского Севера России имело необходимые навыки лесозаготовительных и лесосплавных работ. Участие в лесозаготовках стало обязательным для крестьян с конца 1920-х гг. и оформилось в виде регламентируемой трудгужповинности в январе 1941 г. К лесозаготовкам привлекались колхозники: мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, женщины – от 16 до 45 лет. Трудгужповинность включала в себя выполнение ряда подготовительных работ (подготовка дорог для вывоза леса, постройка барачков для жилья и т.п.), основных работ по рубке и вывозке леса. Колхозники привлекались на лесозаготовки в качестве пешей и конной силы – с использованием колхозных лошадей.

За уклонение от трудгужповинности и за невыполнение обязательных заданий по лесозаготовкам предусматривалась уголовная ответственность по ст. 61 УК РСФСР. Наряду с репрессивными методами мобилизации на лесозаготовки власть прибегала к методам стимулирования через материальную заинтересованность. С 1938 г. работа колхозников, привлекаемых на лесозаготовки, стала оплачиваться наравне с рабочими «постоянного кадра». В период проведения лесозаготовительных работ предусматривалась нормированная продажа сезонникам отдельных промышленных товаров. На колхозников-лесозаготовителей распространялись некоторые льготы по налогам и обязательным поставкам.

На протяжении 1930–1950-х гг. масштабы привлечения северного крестьянства на лесозаготовительные работы в порядке исполнения трудгужповинности оставались весьма значительными. На лесозаготовках Вологодской области ежегодно работало 20–30 тыс. местных колхозников, в Архангельской области – 16–20 тыс. В начале 1930-х гг. в лесную промышленность Карелии ежегодно привлекалось около 30 тыс. местных крестьян, в конце 1930-х–начале 1940-х гг. – 4–5 тыс. (сокращение произошло в связи с мобилизацией сезонной рабочей силы из других регионов страны). В Коми АССР в конце 1940-х гг. на лесозаготовках было задействовано около 60% всех трудоспособных колхозников. До начала 1950-х гг. удельный вес сезонной рабочей силы в составе лесозаготовителей оставался весомым. В первой половине 1930-х гг. на лесозаготовительных предприятиях Европейского Севера численность сезонных рабочих составляла 80–90% от общего числа лесозаготовителей. В 1940 г. в связи с ростом кадрового состава леспромхозов удельный вес сезонной рабочей силы сократился до 35–49%. Великая Отечественная война нанесла ощутимый удар по лесной промышленности страны. В связи с военной мобилизацией численность работников «постоянного кадра» сократилась в два раза. В годы войны мобилизация сезонной рабочей силы зачастую проходила с прямым нарушением закона о трудгужповинности. На работу в лес выходили 14-летние подростки, мужчины старше 55 лет, женщины старше 45 лет. В военный период особенно возросла роль женского труда. В послевоенный период удалось в значительной степени преодолеть сезонность рабочей силы. Так, на лесозаготовительных предприятиях Карелии удельный вес сезонной рабочей силы сократился с 52,7% в 1946 г. до 0,7% в 1959 г. На предприятиях «Вологдалес» удельный вес сезонников снизился с 58% в 1950 г. до 9,6% в 1957 г.

В порядке трудгужповинности колхозники Европейского Севера на протяжении 1930–1950-х гг. выполняли значительный объем всех лесозаготовительных работ. Так, на предприятиях треста «Вологдалес» в 1939–1948 гг. на долю мобилизованных колхозников приходилось 61–82% объема трелевочных работ. В указанные годы возрастал и удельный вес работ, выполненных сезонниками на заготовке леса. Например, в сезоне 1942/1943 г. на долю мобилизованных колхозников приходилось 50% от общего объема выполненных работ, в сезоне 1947/1948 г. – 70%. На вывозке древесины с лесосек на нижние склады в основном были заняты рабочие кадрового состава леспромхозов. В 1939 г. на долю сезонников приходилось 35% объема работ по вывозке леса, в годы войны – 29–42%. В течение 1950-х гг. в связи с уменьшением численности сезонной рабочей силы в составе лесозаготовителей происходило сокращение удельного веса этой категории работников в выполнении всех лесозаготовительных операций.

Трудгужповинность негативно в целом отразилась на состоянии производительных сил деревни. Сокращение численности колхозников,

привлекаемых на лесозаготовки, происходило по мере перехода лесозаготовительных предприятий на круглогодичный режим работы с постоянным кадровым составом лесозаготовителей.

Третий параграф посвящен дорожной повинности сельского населения. Дорожная повинность в форме обязательного трудового участия (трудоучастия) сельского населения была введена в ноябре 1928 г. Она заключалась в обязанности сельского населения строить и ремонтировать дороги, дорожные сооружения (мосты, плотины). При этом дорожная повинность устанавливалась как бесплатная. Определенные уточнения в организацию исполнения дорожной повинности были внесены в феврале 1938 г. При составлении производственных планов правления колхозов должны были предусматривать выделение рабочей силы, автогужевой тяги в постоянные дорожные бригады с обеспечением их необходимым инвентарем, инструментом, горючим, фуражом. Количественный состав бригады определялся числом колхозников, привлекаемых к дорожной повинности и объемом работ. Дорожная повинность в форме обязательного трудового участия сельского населения сохранялась до ноября 1958 г.

Привлечение сельского населения на дорожные работы осуществлялось в течение всего года. При составлении планов вывода рабочей силы на дорожное строительство принимались во внимание сезонность основных сельскохозяйственных работ, а также сроки работ сельского населения на лесозаготовках в порядке платной трудгужповинности. Основная часть работ в дорожном строительстве падала на летние месяцы. По нашим расчетам на июнь-август приходилось около 40% годового объема работ, выполненных сельским населением Вологодской области в порядке дорожной повинности. По сравнению с летними месяцами привлечение сельских жителей на дорожные работы в зимний период было менее значительным. В зимний период сельские жители, занятые на дорожных работах, в основном занимались заготовкой и вывозкой строительных материалов (гравия, песка, леса), а также зимним содержанием дорог.

В диссертации рассмотрены способы мобилизации сельского населения на дорожные работы. В 1940-е гг. в дорожном строительстве широкое распространение получил «ферганский метод», применение которого было выгодно государству в экономическом отношении. Например, в Вологодской области в 1940 г. таким методом проводилась реконструкция дороги Вологда-Череповец (135 км). Расчетная стоимость строительства была определена в размере 1830 тыс. руб. За счет трудоучастия сельского населения предполагалось выполнить объем работ на сумму 1705 тыс. руб. (93,2% от общих затрат). Об интенсивности работ и уровне механизации свидетельствуют следующие данные: ежедневно на строительстве дороги было задействовано от 1000 до 7000 человек, из техники использовалось только 6 тракторов. К числу административных методов мобилизации можно отнести практику проведения «месячника» дорожных работ, во время которого все трудоспособное население

деревни должно было выходить на дорожное строительство. Как правило, «месячник» проходил в июне–июле. Во второй половине 1950-х гг. широкое распространение в дорожном строительстве получил метод «народной стройки», который заключался в массовом использовании наряду с сельскими жителями рабочих и техники городских предприятий.

Колхозы не были заинтересованы в дорожном строительстве, т. к. отвлекались силы от общественного хозяйства, бесплатно использовались рабочий скот, гужевой транспорт и инвентарь. Постоянные дорожные бригады в большинстве колхозов так и не были организованы. Даже в 1957 г., когда имелся уже многолетний опыт дорожного строительства, в Вологодской области постоянные дорожные бригады были созданы лишь в 9% сельхозартелей, в их составе в среднем было 4–5 колхозников, 2–3 лошади. Колхозы различными способами пытались избежать участия в дорожном строительстве. Документы партийных и советских органов фиксируют случаи, когда колхозы стремились откупиться от несения дорожной повинности. Так, в докладной записке заместителя начальника Вологодского областного управления сельского хозяйства в Министерство сельского хозяйства СССР (1949 г.) отмечалось, что в Кадуйском, Петриневском, Великоустюгском и Грязовецком районах некоторые дорожные мастера и руководители райдоротделов взамен трудоучастия взимали с колхозов деньги и присваивали их. Для выполнения плана дорожного строительства колхозы прибегали к найму рабочей силы со стороны, что категорически запрещалось законодательством. Когда подобные факты становились известны районному или областному начальству, на руководителей колхозов и дорожных отделов налагались взыскания.

В течение 1930-х–первой половине 1950-х гг. сельское население в порядке действовавшей бесплатной повинности выполняло основной объем работ по содержанию, ремонту, строительству дорог. И это играло существенную роль в хозяйственном и социальном развитии региона. Так, с 1937 по 1958 г. общая протяженность дорог на территории Вологодской области увеличилась примерно на 1000 км. Однако в целом качество дорог оставалось крайне низким. В той же Вологодской области в 1948 г. только 5,5% дорог имели твердое и гравийное покрытие, в 1956 г. – 8,3%, в 1958 г. – 8,5%. Дорожная повинность, в конечном счете, негативно сказывалась на положении колхозов, несших немалые экономические потери вследствие ее существования.

Вторая глава «Натурально-продуктовые и денежные повинности» состоит из трех параграфов.

В *первом параграфе* рассмотрена система натурально-продуктовых повинностей колхозного крестьянства, которые были введены в форме обязательных поставок сельскохозяйственной продукции. Система обязательных поставок складывалась на протяжении 1930-х гг. К началу 1940-х гг. натурально-продуктовые повинности распространялись почти на все основные сельскохозяйственные продукты, производившиеся в приусадебных

хозяйствах колхозников. К обязательным поставкам мяса и яиц привлекались все колхозные дворы независимо от наличия в этих хозяйствах скота и птицы. Обязательства по поставке государству молока и молочных продуктов распространялись на крестьянские хозяйства, имевшие коров. Если в хозяйствах колхозников содержались овцы и козы, то эти хозяйства привлекались к поставке шерсти и кожевенного сырья. В обязательном порядке сдавались все шкуры крупного рогатого скота, получаемые от убоя или падежа скота от незаразных болезней. Основанием для обязательств по поставке колхозными дворами зерна, картофеля, масляных культур являлось наличие посевов данных культур на приусадебных участках колхозников. Меры ответственности в отношении недоимщиков по госпоставкам были крайне тяжелыми: от денежных штрафов до описи, изъятия и продажи имущества.

Для сбора госпоставок в системе Наркомата (Министерства) заготовок СССР был создан специальный штат уполномоченных и агентов. Они осуществляли на местах исчисление размеров обязательных поставок государству, вручение обязательств крестьянским хозяйствам, следили за выполнением обязательных поставок. С 1956 г. вся ответственность за проведение обязательных поставок возлагалась на Министерство финансов СССР. Непосредственно на местах организацией госпоставок индивидуальными хозяйствами занималась налоговая инспекция финансового отдела райисполкома.

Крестьяне сдавали сельскохозяйственную продукцию в порядке обязательных поставок по крайне низким ценам. Анализ материалов бюджетных обследований колхозников Вологодской области показал, что удельный вес денежных поступлений за сланные по обязательным поставкам продукты и скот в структуре денежного дохода колхозного двора был крайне незначительным. В 1940–1955 гг. этот показатель составлял от 0,2 до 2,8%.

Согласно материалам бюджетных обследований колхозников Вологодской области, удельный вес обязательных поставок картофеля в 1940 г. составил 4,8% от общего количества картофеля, полученного на приусадебном участке, в годы войны – соответственно 1,0–3,1%, в 1946–1952 гг. – 2,1–4,5%, в 1954–1957 гг. – 2,0–2,5%. Аналогичный показатель по поставкам яиц в семьях вологодских колхозников в разные годы составлял от 5,0 до 9,2%. Удельный вес обязательных поставок шерсти в 1940 г. составил 11,1%, в годы войны – колебался от 5,3 до 15,8%. Максимальный размер изъятия шерсти из хозяйств колхозников в Вологодской области отмечен в 1949–1952 гг. (12,8–24,5%). После снижения норм обязательной поставки шерсти в 1953 г. этот показатель составил в 1954–1957 гг. 5,6–7,1%. На протяжении 1940-х–начале 1950-х гг. возрастала сдача скота по обязательным поставкам мяса. Так, в Вологодской области в среднем на 100 хозяйств колхозников в 1940 г. сдавали 7 голов крупного рогатого скота, в 1946 г. – 14 голов, в 1950 г. – 12, в 1953 г. – 6, в 1956 г. – 8. В счет обязательных поставок уходила и значительная часть молока, полученного в приусадебном хозяйстве колхозника. Этот показатель составил в

семьях вологодских колхозников в 1940 г. 19,2%, в годы войны – 6,4–18,8%, в 1946–1952 гг. – 15,3–19,7%, в 1954–1957 гг. – 4,4–5,5%.

Возложив на крестьянство натурально-продуктовые повинности, государство тем самым получило существенный канал поступления сельскохозяйственной продукции. В 1957 г. натурально-продуктовые повинности колхозного крестьянства были отменены.

Во *втором параграфе* исследуется система налогообложения колхозного крестьянства. Крестьянские налоги были представлены несколькими видами налогов и неналоговых платежей.

На протяжении 1930–1950-х гг. главным платежом деревни оставался сельхозналог. В диссертации изучена система этого налога и ее изменение. С 1939 по 1952 гг. изменение системы обложения колхозных дворов сельхозналогом шло в направлении усиления тяжести налогообложения. Одним из действенных способов этого было повышение норм доходности, увеличение налоговых ставок, сокращение объема льгот. Сельхозналог исчислялся по прогрессивной системе обложения от следующих источников: от сельского хозяйства (полеводства, луговодства, огородничества и животноводства) и неземледельческих заработков. С 1 июля 1953 г. обложение сельхозналогом хозяйств колхозников стало производиться с одной сотой гектара приусадебной земли, находившейся в личном пользовании колхозного двора, независимо от размера общей суммы доходов, полученных от личного хозяйства. При этом учитывалась выработка обязательного минимума трудодней всеми трудоспособными членами колхозного двора. Согласно статье шестой Закона о сельхозналоге, сумма исчисленного налога повышалась на 50% тем хозяйствам колхозников, отдельные члены которых без уважительных причин не выработывали в истекшем году установленного минимума трудодней. Если же в составе колхозного двора отдельные трудоспособные лица не состояли членами колхозов и не работали по найму, то для такого хозяйства исчисленная сумма налога повышалась на 75%.

В диссертации рассмотрены и другие элементы системы налогообложения колхозного крестьянства (самообложение, культсбор, военный налог, налог на холостяков).

Изучение системы денежных платежей колхозного крестьянства свидетельствует об усилении тяжести налогообложения на протяжении 1939–1952 гг. Значительное нагнетание налогового прессинга наблюдалось в период Великой Отечественной войны и в 1948–1952 гг. Согласно материалам бюджетных обследований семей колхозников Вологодской области, в 1940 г. в структуре денежных расходов удельный вес выплат по налогам в среднем составил 5,3%, в годы Великой Отечественной войны этот показатель возрос до 10,6–21,7%. В 1946–1947 гг. доля налогов в структуре денежных расходов составила 9,4–9,8%, а в 1948–1952 гг. увеличилась до 14,9–17,4%. Так как денежные поступления из колхоза были невелики, а многие сельхозарттели не выдавали денег по трудодням, колхозники вынуждены были продавать на

рынке продукцию своего личного хозяйства, чтобы получить наличные деньги для уплаты налогов. Многие колхозники, стремясь избежать высокого налогообложения, сокращали размеры своего приусадебного хозяйства, забивали скот. Изменение в 1953 г. порядка исчисления сельхозналога, отмена налога на холостяков значительно облегчили налоговое бремя колхозников. В Вологодской области в 1953–1959 гг. доля выплат по налогам составила в среднем 3,5–9,0% от общей суммы денежных расходов колхозной семьи.

В развитии налогообложения колхозного крестьянства применительно к периоду конца 1930-х–1950-х гг. можно выделить два основных этапа. На первом этапе (конец 1930-х–1952 гг.) система денежных платежей достаточно полно охватывала разные категории плательщиков, гибко реагировала на возрастание доходов от разных источников, препятствовала увеличению размеров колхозного двора. На втором этапе (с 1953 г.) система налогообложения в какой-то степени ориентировала колхозников на работу в общественном хозяйстве сельхозартели. Невыработка установленного минимума трудодней, выход из колхоза одного из членов семьи могли привести к значительному возрастанию размера сельхозналога для всего колхозного двора.

Третий параграф посвящен анализу системы внутренних государственных займов, к которым в обязательном порядке были привлечены все граждане СССР, в том числе и крестьяне.

Советское правительство впервые приступило к размещению облигаций госзаймов в форме коллективной подписки среди рабочих, крестьян и интеллигенции в августе 1927 г. В 1927–1957 гг. облигации массовых займов выпускались ежегодно. Государство считало эти мероприятия важным каналом мобилизации денежных средств, а также придавало займам особое политическое значение. Добровольная финансовая помощь государству со стороны населения служила своего рода барометром, показывающим отношение населения к государству и проводимой им политике.

Для проведения внутренних займов был создан аппарат органов, занимавшихся мобилизацией денежных средств населения в виде государственных займов. К звеньям этого аппарата следует отнести финансовые и информационно-справочные органы, а также общественные организации (комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному делу – комсоды). Госзаймы находились под особым контролем со стороны партийного аппарата. Совокупность всех органов, задействованных в реализации государственных займов, представляла собой целостный, отлаженный механизм, без которого не могла бы функционировать система внутреннего кредита.

За время существования займов выработался четкий порядок их проведения. В диссертации рассмотрены основные этапы займовой кампании среди сельского населения. Во время размещения займов особое внимание обращалось на массовость подписки крестьян на облигации госзаймов.

Организация общих собраний колхозников позволяла охватить подпиской значительную часть взрослого населения деревни. Одновременно с размещением подписки начиналась работа по сбору наличных денег с колхозников на оплату облигаций госзаймов. В первый день размещения займа планировалось собирать 50 и более процентов от подписной суммы.

На протяжении 1930–1950-х гг. удельный вес займов, реализованных среди сельского населения, не был постоянным. В среднем по стране в предвоенные годы займы размещались более чем на 80% среди городского населения и приблизительно на 20% среди крестьян. В Вологодской области, например, в 1937–1940 гг. планировалось размещать по сельской подписке 22,2–39,9% от общей суммы выпуска займа. В период войны возросли не только абсолютные суммы займов, но и доля сельской подписки. В целом по стране удельный вес подписки сельского населения увеличился с 18,8% в 1941 г. до 30,3% в 1945 г. В Вологодской области в 1943–1945 гг. на долю сельской подписки приходилось 55,8–61,3% от плановой суммы размещения займа. Во второй половине 1940-х–1950-е гг. вновь наблюдался рост удельного веса подписки городского населения. В Вологодской области удельный вес сельской подписки снизился с 48,8% в 1948 г. до 14,5% в 1957 г.

Средний размер подписки на облигации госзаймов, приходившийся на одно хозяйство колхозника, на протяжении 1930–1950-х гг. изменялся. Этот показатель напрямую зависел от общей суммы выпуска займа, а также от удельного веса сельской подписки в размещении займа. Как правило, при разработке планов размещения займов финансовые органы заранее намечали среднюю сумму подписки, приходившуюся на один колхозный двор. Реальный размер средней подписки обычно превышал плановые суммы. Так, в Вологодской области в 1942 г. реальная сумма подписки, приходившаяся на одно хозяйство колхозника, превысила плановый показатель на 25%, в 1943 г. – соответственно на 60,7%, в 1949 г. – на 17%, в 1952 г. – на 2,6%, в 1954 г. – на 11,8%, в 1956 г. – на 1,8%. На протяжении 1930-х–первой половины 1940-х гг. средний размер подписки, приходившейся на один колхозный двор, возрастал из года в год. В Вологодской области с 1937 по 1940 г. этот показатель увеличился с 28 руб. до 47 руб. (в 1,7 раза). Значительный рост средних размеров подписки колхозников наблюдался в период войны. В 1941 г. в среднем каждая семья вологодских колхозников подписалась на облигации госзаймов на сумму 63 руб. (134% к уровню подписки 1940 г.), в 1942 г. – соответственно на сумму 155 руб. (329,8%), в 1943 г. – на 614 руб. (1306,4%), в 1944 г. – на 760 руб. (1617%), в 1945 г. – на сумму 506 руб. (1076,6% к уровню подписки 1940 г.). Даже с учетом инфляции рост средних размеров крестьянской подписки на военные займы впечатляет. В 1946–1949 гг. средний размер подписки снизился с 310 руб. до 117 руб. (в 2,6 раза). С 1950 по 1952 г. наблюдался рост крестьянской подписки (с 121 до 197 руб., т. е. в 1,6 раза). В 1953 г. по сравнению с предыдущим годом средний размер подписки сократился в 3,6 раза и составил 55 руб., но в дальнейшем наблюдался ее рост.

Согласно данным бюджетных обследований семей колхозников Вологодской области, в 1940 г. на оплату облигаций госзаймов было израсходовано 2,4% от общего денежного расхода колхозной семьи. В первый военный год затраты колхозной семьи на приобретение облигаций несколько снизились и составили 1,8%. В 1942–1945 гг. расходы колхозников на эти цели резко возросли. Максимальный процент изъятия денежных средств колхозной семьи на оплату облигаций приходится на 1943 г. – 19,8% от общей суммы денежного расхода. В 1946–1952 гг. колхозная семья Вологодской области в среднем тратила на приобретение облигаций госзаймов 2,8–6,9% от годового денежного расхода, в 1953–1955 гг. – соответственно 1,6–2,6%.

Государственные займы, возложенные на колхозное крестьянство, были во многом схожи с денежными налогами и сборами (выпускались ежегодно и на достаточно большие суммы). В отличие от официальных налогов, займы рассматривались как добровольные платежи крестьян в пользу государства на условиях долговременного кредита. Отказы от подписки на облигации госзаймов, в отличие от неуплаты налогов, не могли преследоваться в установленном законом порядке. Однако созданный в стране механизм распространения облигаций внутренних займов позволял государству достаточно успешно размещать подписку среди сельского населения. Проведенное исследование показало, что госзаймы проводились с использованием методов административного давления на крестьян и по ряду позиций приобрели форму безвозмездного изъятия денежных средств у населения.

В заключении диссертационного исследования формулируются общие наблюдения и выводы по изученной проблеме.

Приложения содержат 37 таблиц и концентрируют материал, позволяющий сделать выводы о количественных характеристиках описанных процессов.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. К вопросу о дорожной повинности сельского населения в 1930–40-е годы // Criterion. Вып. 2. Межвузовский сборник работ по гуманитарным наукам. Череповец: ЧГУ, 1999. С. 53–57.
2. Этапы проведения государственных займов среди сельского населения в середине 1930-х–1950-е гг. по документам ГАВО // Историческое краеведение и архивы: Материалы научно-практических конференций, Вологда, 30 октября 1998 г., 16 марта 1999 г. Вып. 6. Вологда, 2000. С. 151–156.

3. Денежные платежи северного крестьянства в 1930-х—начале 1950-х гг. // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вологда: «Легия», 2000. С. 52–77. (В соавторстве с М. Н. Глумной)
4. Налогообложение колхозного крестьянства в период Великой Отечественной войны (на материалах Вологодской области) // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 3. Вологда, 2000. С. 163–170.
5. Государственные мобилизации колхозного крестьянства (конец 1930-х–1950-е гг.). По архивным источникам // Новгородский архивный вестник. Научно-публикаторское издание № 2. Великий Новгород, 2000. С. 133–136.
6. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 141 с. (В соавторстве с М. А. Безниным и Т. М. Димони).

